

вѣдь не изъ камня, видимъ и чувствуемъ; поступлено было скверно и неприлично, но я не думаю, чтобы честно и праведно было мстить родинѣ за оскорблениe. Пусть Сильванъ не защищается, говоря: если, движимый негодованіемъ, я сдружился съ врагомъ отечества, то тѣмъ не менѣе я не выступаю враждебно, не устремляю на это силы, не подаю совѣтовъ. Положимъ, такъ, но онъ радуется вмѣстѣ съ Эгономъ бѣдствіямъ родины, грабежамъ, пожарамъ, пѣнамъ; это великое преступленіе. Но оставимъ военные дѣла; что станетъ дѣлать въ толпѣ этотъ краснорѣчивый защитникъ уединенія, что — человѣкъ, привыкшій величать свободу и честную бѣдность, поддавшись чужому игу и нечестно обогащенный? Я только краснѣю, напѣвая, про себя или въ народѣ, виргилиевское:

Quid non mortalium pectora cogis,
Auri sacra fames?

Многое могъ бы я еще сказать про него, славный наставникъ; но что скажешь ты, у которого и негодованіе сильнѣе и краснорѣчія больше? Что скажетъ его Моникъ (брать Петрарки Герардъ), его Сократъ (пріятель Петрарки, Людовикъ ди Кампинія или di Nam), Идей (Джованни Баррили), Питій (Барбатъ) и другіе, привыкшіе смотрѣть на него, какъ на человѣка святого (*caelestem*), какъ на единственный въ людяхъ образецъ честности, и прославлявшіе его за эти качества? Я полагаю, всѣ вы его осудите и опечалитесь. Тебѣ онъ болѣе другихъ повѣрить, обра-
зумь его, отвлеки отъ позора, вырви изъ рукъ ненавистнаго (Эгона) такого, какъ онъ, мужа, столь блестящее украшеніе, сладостную утѣху, зрылый совѣтъ; верни ему прежнюю славу, намъ его самого, въ отраду и любовь.

V.

Письмо Боккачью — цѣлое обличеніе, прокурорская рѣчъ, направленная на человѣка, которому до тѣхъ поръ вѣрили безусловно и который видимо обманулъ ожиданія. Въ это не вѣрится,

10*

по-крайней мѣрѣ хотятъ дать понять, что въ это не вѣрять; обвиненію данъ оборотъ просьбы: разобраться въ поступкѣ какого-то третьяго лица, Сильвана; не Боккаччо, а самъ Петрарка приглашается совершить судъ надъ самимъ собой. Во-прость поставленъ двоякій: общественный и личный, служеніе Петрарки у врага своей родины, служеніе свободнаго человѣка у тирана. Въ томъ и другомъ смыслѣ Боккаччо высказывается въ своемъ посланіи, которымъ не преминули воспользоваться для характеристики его принципіальныхъ, политическихъ воззрѣній; въ сравненіи съ Петраркой онъ могъ представиться болѣе яркимъ и убѣжденнымъ демократомъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Это требуетъ общаго разсмотрѣнія.

Въ политическихъ взглядахъ Петрарки и Боккаччо слѣдуетъ отличить сторону *идеала*, взлѣяннаго гуманизмомъ и любовью къ родинѣ и реторикой, и сторону *практическую*. Первый находилъ выраженіе въ идеѣ культурной Италии: такова *Italia mia* Петрарки, несущественный объектъ существенной вѣры, Италия славныхъ римскихъ преданій, съ естественной главой Римомъ¹⁾. Фантасмагорія Рима не покидаетъ Петрарки, безъ него нѣть Италии, тамъ должны быть освященные исторіей власти; какъ свв. Бригитта и Катерина Сіенская, онъ не устаетъ призывать туда авиньевскихъ папъ, зоветъ и Карла IV, но приходить въ восторгъ и отъ утопіи Италии, объединенной подъ державой «друга вселенной, августѣйшаго трибуна» Кола ди Ріэнцо. Разновременность этихъ увлеченій Петрарки не оправдываетъ ихъ неясности. Петрарка, очевидно, и не разобralся въ нихъ логически: онъ уповаєтъ на императора, заявляетъ, что никакая власть не терпитъ соперника²⁾ — и что папѣ принадлежать обѣ власти³⁾). Средневѣковая двойственность двухъ «мечей», на которой зиждется міровоззрѣніе Данте, болѣе реальна,

1) Fam. XI, 7: посланіе къ римскому народу у Fracassetti, Lettere, v. III, стр. 240.

2) Fam. XX, 2.

3) Var. 3.

чѣмъ гуманистическая грѣза, вычитанная у римскихъ юристовъ, объ имперіи римскаго народа, роковымъ образомъ привязанной къ Риму, съ сенатомъ, отдающими приказы императорамъ¹⁾.

И въ политикѣ Боккачью есть элементы несущественнаго идеализма, отчасти навѣяннаго преданіемъ. О попыткѣ Кола ди Ріенцо онъ никогда не отозвался; преданный идеѣ папства, не менѣе рѣзкій, чѣмъ Петрарка, въ нападкахъ на его современныхъ представителей²⁾, онъ не носится такъ страстно, какъ тотъ, съ мыслью о перенесеніи папскаго престола изъ Авиньона въ Римъ, но и у него *Roma* — монархия міра, лишенная вѣнца съ тѣхъ поръ, какъ папы и императоры забыли ее³⁾; символическое сновидѣніе Бьянчиѳоре написано очевидно подъ дантовскими вліяніями⁴⁾; и позже тѣ-же жалобы повторяются⁵⁾, какъ обязательныя, не какъ выраженіе убѣжденія. Когда-то Римъ былъ во главѣ свѣта, теперь онъ въ его хвостѣ⁶⁾, власть перешла отъ него къ французамъ и нѣмцамъ⁷⁾, перейдетъ, пожалуй, къ англичанамъ⁸⁾. Но именно по отношенію къ имперіи Боккачью приведенъ былъ условіями жизни къ взглядамъ, освобождавшимъ его отъ средневѣковой утопіи. Старая привязанность къ гельфской династіи анжуйцевъ, къ французскому королевскому дому⁹⁾ опредѣлила его отрицательное отношеніе къ Свевамъ: уже въ *Filocolo*¹⁰⁾ ихъ родъ названъ надменнымъ и неблагодарнымъ, его слава не заслуженной; позднѣе эта оценка отзывается на характеристикахъ Фридриха I, Генриха VI, Фридриха II, человѣка чудовищнаго, язвы всей Италіи, не только

1) Сл. письмо къ римскому народу, 1. с., стр. 288 слѣд.

2) Сл. посвященіе *De Casibus u Corazzini*, стр. 364; *De Casibus IX*, 7; 8.

3) Сл. канцону III у *Moutier*, стр. 115 слѣд.; *De Cas. VIII*, 17.

4) *Filocolo*, см. выше т. I, стр. 245, 258.

5) Напр. въ письмѣ къ Петраркѣ, см. выше стр. 185.

6) Дек. V, 3.

7) *Ib.* II, 8.

8) *Com. ed Milanesi I; lez. VI*, стр. 192.

9) *De Cas. IX*, 19.

10) I, 8—4, см. выше т. I, стр. 191.

сіцилійського королевства; Манфреда¹⁾). Єто не м'єшаеть ему при случаї признать въ Фридрихѣ II блестящіе таланты, интересъ къ образованію, понять причины враждебнаго къ нему отношенія папства²⁾; но дѣло въ томъ, что самая идея римской имперіи германского народа поднимаеть въ Боккаччо сознаніе и протестъ латинянина. «Говорять, хотя и несправедливо, о благородствѣ свевской крови; точно небо влило болѣе пѣжную влагу въ фибры варваровъ, чѣмъ итальянцевъ! Вѣдь это смѣшно, пишетъ Боккаччо; показалъ бы я глупцамъ, что это за благородная тевтонская кровь, если бы это не увлекло меня въ сторону!»³⁾. И онъ обобщаетъ свою нелюбовь къ тевтонамъ, говоря объ ихъ коварствѣ⁴⁾ и варварствѣ⁵⁾

Главное, чего ему не достаетъ, это живого пониманія того двоевластія, въ идеяхъ котораго воспиталось предыдущее поколѣніе: онъ орудуетъ ими, какъ общимъ мѣстомъ, негодуетъ на сожженіе дантовскаго *De Monarchia* кардиналомъ дель Поджетто, но, сообщая содержаніе трактата, обнаруживаетъ слабый интересъ къ когда-то жгучему вопросу: Данте доказывалъ, между прочимъ, что императорская власть исходить непосредственно отъ Бога, а не черезъ посредника — «какъ полагаютъ, кажется, клерики»⁶⁾. Это «кажется» говорить за себя: Боккаччо вышелъ изъ средневѣковаго дуализма.

Гвельфская политика Флоренціи совпала съ его ранними взглядами, сложившимися въ Неаполѣ, и въ своихъ отношеніяхъ къ Карлу IV онъ является антиимперіалистомъ. Опасаясь возраставшаго могущества Висконти, Флоренція искала сближенія

1) Сл. *De Cas.* IX, 16, 18; *De Clar.* Mul. c. CII; Дек. X, 6 (о Манфредѣ), 7 (о Карлѣ I Анжуйскомъ).

2) In molte cose eccelente e virtuoso.... gran letterato e nella Magna герп-
tato da molto. Com. ed. Milanesi v. II, lez. XLI, стр. 240 слѣд.

3) *De Cas.* IX, 16.

4) *De Cas.* IX, 14; Дек. VII, 1.

5) *De Clar.* Mul. c. 25 (germania rapacitas), 101 (germanica.... barbarie).

6) *Vita di Dante*, ed. Macrì-Leone, стр. 73.

сь императоромъ; это было уклоненіемъ отъ традиціонной политики города, стоявшаго во главѣ гвельфовъ; хотя Карлъ IV и дружилъ съ папой, но положеніе создавалось тонкое, требовавшее осторожности и умѣнья лавировать, а флорентійскіе правители оказались ниже своей роли. Когда въ 1354 году Карлъ обнаружилъ намѣреніе явиться въ Италию, они заволновались и запросили папу, какъ онъ къ этому отнесется и чего имъ держаться; съ этого цѣлью Боккаччо былъ посланъ въ Авиньонъ съ вѣрительными грамотами отъ 28-го и инструкціей отъ 30-го апрѣля¹⁾; позже, въ октябрѣ того-же года ходилъ туда по тому же дѣлу нотаріусъ Диетифечи ди Микеле Гангаланди²⁾. Когда въ концѣ года Карлъ IV явился, колебанія флорентинской синьоріи еще болѣе доказали ея неспособность и отсутствіе благоразумія³⁾. Между тѣмъ какъ Сіэна, Вольтерра, Пистойя и Санть-Миньято обнаружили покорность, флорентійцы волочили переговоры и торговались, изъявляя преданность императору, падкому до денегъ, намѣренно умалячивая его титулъ и требуя сохраненія своихъ вольностей. Онъ грозился сломить ихъ надменность; однажды, послѣ трехъ-часового спора, онъ вышелъ изъ себя: не по плечу какой-то комунѣ перечить его власти, своей силой и съ помощью миланскихъ синьоровъ и другихъ гибеллиновъ Италии онъ разрушить Флоренцію. Пришлося смириться, но трактать съ императоромъ, заключенный въ Пизѣ, обнародованный во Флоренціи 23 марта 1355 года, не вызвалъ въ народѣ никакихъ знаковъ радости, ибо всѣмъ было известно, какъ дорого стоили комунѣ невѣжество и недальновидность ея правителей⁴⁾.

Такова точка зреінія Маттео Виллани; VII-я и IX-я эклоги Бок-

1) Corazzini, стр. 896—899; Hortis, G. Boccacci, ambasciatore in Avignone, стр. 48—9; см. стр. 14 и прим. 2; Crescini, Contributo, стр. 259.

2) Canestrini, Arch. Storico Ital., сер. I, App. VII, 895.

3) Matteo Villani IV, 55 и слѣд.

4) Ib. IV, 75.

качко служать ей комментариемъ, выясняя вмѣстѣ съ тѣмъ его практическій, не теоретический взглядъ на значеніе имперской власти.

Въ VII-й эклогѣ бесѣдуетъ Дафнисъ-Карлъ IV¹⁾ и Флорида-Флоренція. Ты спиши, а вѣренное тебѣ стадо покинуто; отчего не попросишь ты друга Дафниса постеречь его? — Тебѣ-ли довѣрить стадо, негодный Дафнисъ, преданный Вакху! удачаетъ его Флорида, намекая далѣе на власть, которую Карлъ, вопреки договорамъ, захватилъ въ Пизѣ (городѣ Алфея): ты похищалъ козловъ, истязалъ плодныхъ козъ въ лѣсахъ Алфея! — Но вѣдь стадо мое, я могу повести его, куда хочу! — Что общаго у тебя съ алфеянами? Они старого эллинскаго рода, тебя-же произвела варварская, дикая страна. — Что-же скажеть Галатея (Римъ), если такъ позорить Дафниса эта кривая!²⁾, восклицаетъ Дафнисъ. Недавно лѣсные старцы (нѣмецкіе князья) поставили меня властителемъ лѣсовъ и стадъ, мнѣ повинуются пастыри Инда и Пиринеевъ, Родопа и Эбра. — Тебѣ-бы присоединить ужъ и тѣхъ, кого заблужденіе древнихъ помѣщало на небѣ и въ оркѣ, иронизируетъ Флорида; вѣдь *твоихъ* индовъ раздѣляетъ Маасъ, *твоихъ* гетуловъ орошаетъ Эльба, и Рейнъ — *тебѣ* Тибромъ. Ступай, слава сѣверныхъ народовъ, обманывай своихъ двоедушныхъ³⁾ тевтоновъ, знаемъ мы пустые титулы и вялый лукъ⁴⁾. — Развѣ не видишь ты, склоняя, какая стая псовъ меня окружаетъ? Вспомнишь ты о пустыхъ титулахъ и вяломъ лукѣ, когда Галатея увѣнчаетъ меня лавромъ. — Въ такомъ случаѣ я скажу, что пламя потушить факелы, вечерняя звѣзда заведеть новый день, солнце бросить тѣни; кто первый ввелъ тѣ почести въ нашихъ лѣсахъ,

1) Сл. *Daphnis* = Юлій Цесарь въ V-й эклогѣ Виргилія. Боккаччо въ письмѣ къ Мартину изъ Сивы ссылается на Овидія: *pro Daphni ego intelligo imperatorem, nam Daphnis, ut in maiori volumine Ovidii legitur* (=Метаморфозы), *filius fuit Mercurii et primus pastor*.

2) *Lusca*; вар. *fusca* = Флоренція.

3) *Bilingues*.

4) *Nos titulos vacuos et lento novimus arcus*.

увѣнчаетъ себя тисомъ¹⁾), лавры же броситъ свиньямъ, коли увидить тебя увѣнчаннымъ ими; мнѣ-же скорѣе умереть, чѣмъ видѣть латинскій лавръ²⁾ на челѣ савромата.—Къ чemu кичишься ты, неразумная, зачѣмъ противишись велѣніямъ Аполлона? Лучше было-бы тебѣ уладить твои распри, увѣнчать меня цвѣтами, какъ было прежде въ обычаяѣ, дабы священная птица Юпитера (имперскій орелъ) оберегъ съ высоты твое стадо отъ лисицъ и волковъ.—Я узнаю тебя: ты ставишь западни, потому что не владѣешь копьемъ, льстишь мнѣ, думая опутать, какъ незрячую. Но ты ошибаешься, я знаю тебя; прошли тѣ времена, когда я, въ моемъ невѣдѣніи, отдавала свои лѣса и стада и обѣятія и поцѣлуи; тогда Дафнисъ повсюду былъ славенъ; теперь другой порядокъ вещей, и я не думаю, чтобы Аполлонъ былъ другого мнѣнія о тебѣ, грабителѣ, и повелѣлъ увѣнчать тебя лавромъ. А если и такъ, я помню слова Голія: небо для боговъ, земля для смертныхъ³⁾, всякому свое. Я свободная женщина, не знающая мужа, отрицающаяся брачнаго ложа и ига; есть у меня силы и мужество и лукъ и сторожевые псы⁴⁾, я скорѣе умру, чѣмъ брошу лилии (гербъ Флоренціи) воронамъ.—Ты — свободная женщина! Будто мы не знаемъ, сколькимъ любовникамъ ты отдаешься! (намекъ на городскія партіи); твоя защита въ наемныхъ рукахъ, неужели ты на нихъ разсчитываешь? Вѣдь это людское отребье, бѣглые рабы, которыхъ изгнали изъ нашихъ лѣсовъ любовь или нищета (нѣмецкіе наемники на флорентійской службѣ), я и стрѣлы не выну изъ лука, а прогоню ихъ ремнемъ и розгами. Приняться-бы тебѣ за прядку, роздавать работу служанкамъ, а заботу о пастбищѣ предоставить пастухамъ. Есть у тебя душистый чаберъ, въ садахъ розы и фіалки, вотъ тебѣ забота; плети вѣнки для своихъ сыновъ, устраивай имъ пиршества, пусть разчесываютъ бороды,

1) Taxos.

2) Latiam.... Daphnem.

3) Memini puerum dixisse Goliam — Esse polos superum, campos mortalibus esse.

4) Custodes ovium, pperit quos saeva lycisca.

стягивають таію¹), пусть забавляются, охорашиваясь въ зеркаль ручьевъ: они увидятъ себя тщедушными, вялыми тѣломъ, но возмечтаютъ духомъ. Дай имъ свирѣли, устрой мягкия ложа подъ свѣжей листвою, призови шаловливыхъ нимфъ; пусть пьютъ, ихъ сонъ не потревожатъ ни псы, ни цикады, которыхъ выгони изъ лѣса. Посмотрю я, что станется съ бѣдняками; долго обманывалъ меня фригійскій пастырь (папа), презиралъ Озирисъ (Висконти), это не пройдетъ имъ даромъ, не пройдетъ и тебѣ.— Не бывать тому, отвѣчаетъ Флорида; ты обвиняешь меня, неразумный, въ неприличныхъ связяхъ—но какой глупецъ тому повѣрить? Вѣдь у развратниковъ въ обычай обвинять честныхъ женъ. Но ты-то чѣмъ славенъ? Ты говоришь о фригійскомъ пастырѣ, объ Озирисѣ — точно уэрѣль уже лѣсь Каноба (Миланъ), мизійские холмы (Римъ) и долины Скамандра. Лучше вспомни, когда дома будешь воспѣвать свою победу надъ грубыми паннонцами (венграми), какъ змѣй (гербъ Висконти) заступился тебѣ порогъ, въ какихъ условіяхъ, благодаря твоему малодушію²), достался тебѣ на поляхъ генетовъ желѣзный вѣнецъ.— Флорида намекаетъ, при какихъ унизительныхъ для императора обстоятельствахъ принялъ его и вѣнчалъ желѣзной короной Висконти.— Вотъ отъ чего надо прежде очиститься, а потомъ и грозить, продолжаетъ Флорида; а лучше было бы тебѣ вернуться на окраины земли, гдѣ ты строишь замки для женщинъ, стойла для косматыхъ онагровъ, разводишь виноградники.— Увы мнѣ, вижу я, что приходится мнѣ спорить съ хриплыми лягушками! Оставайся съ своими сынами, они умѣютъ тебя прихорашивать и величать похвалами, но они-же и будутъ виною, если Арно донесеть до алфеянъ (въ Пизу) вѣсть о томъ, какъ я наступлю на твою выю, выпущу кровь изъ твоихъ жиль.— Даѣтъ мнѣ герой Тиринта яблоки Гесперидъ, сказывалъ, что они наводятъ сонъ на бѣшеныхъ; ими я полѣчу тебя, а тамъ инсубры (ломбарды) и лигуры тебя разбудятъ.

1) Da stringere vestes—Da laqueis ambire femur.

2) Segnitieque tua.

Но надежды Флориды были преждевременны; за ея кичливымъ споромъ съ императоромъ¹⁾ послѣдовала печаль: Lipis; она даетъ содержаніе эклогѣ IX-й. 4-го апрѣля 1355-го года Карль былъ вѣнчанъ въ Римѣ, и вѣсти о томъ дошли до Флоренціи; на этотъ разъ это не Флорида, а символъ болтливыхъ и трусливыхъ флорентинцевъ, лягушекъ, какъ выразился о нихъ Дафнисъ: пастухъ Батрахъ; онъ сидѣть на своихъ тощихъ пастбищахъ, хотя стада его тучны — онѣ пасутся на сторонѣ (таковы мѣстныя условія Флоренціи, направившія ее на торговлю); проходитъ Аркасъ, съ горы Партенія; онъ ходилъ поглядѣть на Амариллиду (Римъ). Что тебѣ до нея? Вѣдь вы, дорійцы и єракійцы, гнушаетесь нашими святынями! — Но есть-ли кто на свѣтѣ, кто не знаетъ Амариллиды? Къ тому-же сказывали, что явится Цирцій (Карль IV), домогаясь тѣхъ почестей, которыя древность уготовляла атлетамъ-побѣдителямъ. И я видѣлъ его вѣнчаніе. — Сказывалъ о томъ недавно нѣкто изъ Этруріи, да мнѣ не вѣрилось; очень ужъ недѣятельнымъ казался мнѣ Цирцій. — Тогда Аркасъ говорить, что все это — правда, и Батрахъ пораженъ: недаромъ горы курятся невиданнымъ дымомъ, страшатся галлы и рутульскіе пастухи издаютъ вопли. Коли такъ, то пусть папоротники произведутъ корицу, печальная цикута — сабейскіе ароматы. — Видно почести Цирція подняли твою желчь? — Какъ мнѣ не негодовать, когда по волѣ завистливой судьбы италійскій лавръ украсилъ чело сѣвернаго мужа? Но ты не достаточно понимаешь, какая это почесть: вѣдь Фебъ назначилъ свои лавры побѣдителямъ, ими праздновали древніе свои триумфы — и по просьбѣ Аркаса Батрахъ объясняетъ ему, кто ими бывалъ увѣнчанъ: Сципіонъ (*Linternus*) и Марій (*Agrinas*), Помпей (*Opheltes*) и Цезарь (Дафнисъ), какой-то Коригилъ²⁾, наконецъ Гомеръ, Вирgilій и Петрарка³⁾. — Великое

1) Jurgiam: заглавіе VII-й эклоги.

2) Gryphes hiperboreas rapientes unguibus olim, Quos nobis vitulos servabat maximus Ister, Privavit pedibus juvenis Corygillus aduncis.

3) Smyrnaeus pastor, venetusque et grandis etruscus.

и славное ты поминаешь; но къ чему-же смущаться? чего не заслужили отцы, могутъ заслуживать внуки — вѣдь Цирцій великий. — Что сдѣлаль онъ такое, недѣятельный (*segnis*), чтобы заслужить наши почести? Помню я, какъ его предки пришли сюда, какъ ихъ топоры рубили лѣса Латія, ихъ псы досаждали нашимъ стадамъ; а теперь моя мать (Римъ), въ своемъ невѣдѣніи, добровольно отдала лавры, когда-то предметъ борьбы, Цирцію, у котораго нѣтъ ни достоинствъ, ни славы. — Но такъ древле установили сами латиняне! — Да, печаль часто ослѣпляетъ коснныхъ; не для этой цѣли совершили римляне геройскіе подвиги; надо-ли ихъ перечислять! Блаженныя души, вы сложили головы и проливали кровь на берегахъ Рейна, а слава досталась теперь Герцинійскому лѣсу, и наши свѣтила померкли передъ свѣтилами кимировъ. — Стоитъ-ли, о Батрахъ, обновлять древнія жалобы! когда-то далматъ и паннонецъ и другіе несли ваше иго, теперь они наложили его на васъ; нѣтъ ничего новаго подъ луною: вы похитили, теперь похищаетъ другой. Но что тебѣ въ томъ, что Цирційувѣянъ? — Когда-то былъ въ Латіи наиболѣшій изъ пастырей, Эгонъ (король Робертъ), котораго люди почитали выше всѣхъ; былъ съ нимъ во враждѣ великий Дафнисъ (Людовикъ Баварскій), кто шелъ съ однимъ, кто съ другимъ, я-же держался Эгона, ибо онъ былъ праведнѣе¹⁾; и вотъ я боюсь теперь, какъ-бы Цирцій, наследникъ Дафниса, не обратилъ на меня гнѣва, помнайшая предковъ. Куда мнѣ бѣжать тогда? До чего довела меня моя мать!²⁾. Цирцій свергнетъ меня въ оркъ, уже вѣроны вѣщаютъ мнѣ недолю! — Неужели-же ты такъ безсиленъ? Вѣдь нѣмцы (*Rhenicolae*) изнѣжатся на легкой работе, а ты укрѣпи валы, окопайся, вооружи пастуховъ палками, мальчиковъ пращами. — Народъ-то у меня не воинственный, изнѣженный, да и поле безплодное, нѣтъ ни берега, ни большой рѣки, моя молодежь — а въ нихъ моя сила — принуждена пѣшкомъ перебираться

1) *Quia justior esset.*

2) *Impia me cogit genetrix intrare lupanar.*

черезъ горы за кормомъ для скота. Еслибъ она была здѣсь, не было бы у меня и страха.— Ободрись, говорить ему Аркасъ и разсказываетъ, въ утѣшеніе растерянному Батраху, что вѣнчаніе Цирція произошло при совсѣмъ иныхъ обстоятельствахъ, чѣмъ тотъ воображалъ себѣ: Амарилла не желала его, а пролила слезы, не было ни цвѣтовъ, ни пѣсенъ, ни веселья и, собравъ свои воды, молчаливо текъ Тибръ.— Было и дурное знаменіе, о которомъ, кажется, историческія свидѣтельства не знаютъ; Боккачью подсказалъ его, потому что оно отвѣчало его желанію: будто, когда Цирцій сидѣлъ на престолѣ, восточный вѣтеръ вырвалъ листья изъ его вѣнка и понесъ къ сѣверу, а они загорѣлись въ воздухѣ, такъ что едва видны были искры. Тогда сказалъ главный у аркадцевъ пастырь Арунть: это править ему путь къ лѣсамъ на Рейнѣ, тамъ онъ кончить жизнь, и гробница скроетъ его славу и бренное тѣло; если-же онъ вернется (ибо пламя нѣсколько повернулось и дало дымъ), то не совершитъ ничего примѣчательнаго.— Батрахъ обрадованъ, молить богиню Палесь осуществить предзнаменованіе, обѣщая почтить ее жертвой.

Эклипа является пророчествомъ *post eventum*: послѣ вѣнчанія въ Римѣ Карлъ IV поспѣшилъ оставить Италию, ничего не сдѣлавъ, обманувъ всѣ ожиданія, унося съ собою клички «поповскаго императора», нѣмецкаго ритора, софиста, обвиненія въ жадности, нареканія Петrarки¹), Антоніо изъ Феррары²), Менгіно Меццани, Фаціо дельи Уберти³), что онъ не съумѣль стать на высотѣ призванія и предпочелъ заняться въ Богеміи разведеніемъ виноградниковъ и фиgovыхъ деревьевъ⁴). Чаянія Батраха оправдались; второе появленіе Карла IV въ Италии (въ 1368—9 годахъ) кончилось такъ же позорно: отъ него ожидали, что онъ сломить тирановъ, замирить комуны, а онъ пошелъ не на волка,

1) Fam. XIX, 12.

2) Se a legger Dante mai caso m'accaggia.

3) Se legittimo nulla nulla è.

4) Dittamondo l. VI, c. 5.

а на ягненка ¹⁾). Въ 1374 году Боккаччо писалъ къ Майвардо деи Кавальканти, что намѣревался было посвятить Карлу IV свой *De Casibus*, но остановился, ибо вынѣшній цезарь забылъ о подвигахъ, предпочитаетъ славу Оиванскаго Вакха, воспитателя лозы, блеску италійскаго Марса, коснѣтъ подъ Цирціемъ ²⁾), на краю земли, среди снѣговъ и кубковъ.

Судя по письму къ Нелли ³⁾ Боккаччо лично видѣлъ императора; обвиненіе его въ преданности Вакху поддерживается такимъ-же отзывомъ Людовика Венгерскаго ⁴⁾; память «италійскаго Марса» не принципіальное противорѣчіе Боккаччо, а освященная употребленіемъ фразеологія. «Да будетъ онъ на вѣки безславенъ!» такъ кончаетъ Бенвенуто изъ Имолы свой отзывъ о Карлѣ IV ⁵⁾.

Въ отрицательномъ взглѣдѣ Боккаччо на значеніе имперской власти чувствуется и старая гвельфская программа, и поднятое гуманизмомъ народно-латинское самосознаніе, и дѣйствительный интересъ къ самостоятельности родной коммуны. Именно ея свобода поставлена на вѣсы съ притязаніями Карла IV, какъ письмо къ Петраркѣ мѣряетъ его отношенія къ Висконти интересами «родины».

Имѣемъ-ли мы право обобщить эти отношенія въ принципіальное предпочтеніе республики тиранії? Этотъ вопросъ переводить насъ отъ идеаловъ имперіи и папства и фантасмагоріи Италии и Рима къ реальнымъ формамъ итальянской политической жизни, въ которыхъ жилъ Боккаччо, съ которыми Петраркѣ приходилось считаться.

На сценѣ республики и тираніи и монархическій центръ въ Неаполѣ. Къ монархизму естественно склонялись тѣ люди, у которыхъ сознаніе культурной Италии выражалось въ поня-

1) Канцона Саккетти къ Урбану V и Карлу IV.

2) Сѣверный вѣтеръ, сл. Gen. Deor. IV, 54 и Цирція 9-й эклоги.

3) Corazzini, стр. 151.

4) Hortis, Studi стр. 184, прим. 1.

5) Comm. III, стр. 186—7.

тіа Италії объединенной, какъ условіи мира. Италія — прекраснѣйшая въ свѣтѣ область, восклицаетъ Бенвенуто изъ Имолы¹⁾, ея глава — Римъ, для славы которого были когда-то тѣсны предѣлы міра; Тоскана — ея свѣтлица, лучшая и украшенная часть дома: тамъ живутъ красавицы, держатся тайныя совѣщанія; Ломбардія — зала, тамъ власти, роскошныя пиршества, ибо у ломбардовъ глотка широкая; зеленая, плодоносная Романья — огородъ Рима, Анконская марка — его погребъ, тамъ лучшія вина, олей, медъ, фиги; Апулія — конюшня, Тревизская марка — садъ съ стройными, цвѣтующими деревьями, Венеціей, Вероной, Падуей. Много въ Италіи и другихъ прекрасныхъ областей—только всегда она была обуреваема войнами.—Мира, мира намъ!²⁾, раздается кликъ Петrarки; кто могъ-бы учинить Италіи какой-либо вредъ, если бы не вредилъ ей Марсъ? Чего не достаетъ итальянцамъ, если не — мира?³⁾. Что еслиъ ты воскресъ, чудесный поэтъ! обращается къ Данте Бенвенуто изъ Имолы. Гдѣ въ Италії миръ, гдѣ свобода, гдѣ покой? Теперь все стало еще печальнѣе, мы завидуемъ твоимъ счастливымъ временамъ и молимъ Господа послать намъ Veltro, освободителя, котораго ты видѣлъ въ твоихъ грехахъ. Придетъ-ли онъ?⁴⁾.

Этотъ дантовскій Veltro — не римскій императоръ, для котораго тѣсны границы свѣта, не новый царь міра, высокородный и нищій, пребывающій пока въ неизвѣстности, сіяющій чистотою, какъ пчела питающіяся цвѣтами⁵⁾. Это мѣстный власти-

1) Comm. III, стр. 184—5.

2) L'vo gridando pace, pace, pace.

3) Epist. poet. III, 25.

4) l. c. III, 181.

5) Revelacio inclite Ioanne III, Hierusalem et Sicilie regine, Giamb. Basile, VII, 7. См. въ Mescolanze di Michele Siminetti «una esposizione d'uno mago che fu facta a la reina Giovannn dopo la morte del re Roberto» (см. Buchholz въ Zs. für vergleichende Litteraturgeschichte u. Renaissance-litteratur, N. F., II B., стр. 858).—Къ легендамъ о Джованні, упомянутымъ выше т. I, стр. 371, прим. 1, см. еще Giambattista Basile, VII, 5 (Correro, La torre della regina Giovanna in Portici) и 12 (Gaetano Amalfi, La regina Giovanna nella tradizione; вышло и отдельно).

тель, который соберетъ Италию; вотъ что заставляло Петrarку и Боккаччо и другихъ возлагать такія надежды на короля Роберта, что отразилось въ канцонахъ Фаціо дельи Уберти чаяніями единаго итальянскаго короля¹⁾; вотъ почему всякая сильная тираниі, клонившаяся къ цѣлямъ широкаго объединенія, вызывала симпатіи монархистовъ и опасенія республиканцевъ. Въ половинѣ XIV-го вѣка то и другое возбудилъ Джованни Висконти: гвельфы, сторонники республики были противъ него, въ его лагерѣ очутились старые гибеллины, монархисты гуманистическаго оттѣнка, изгнанники республикъ вродѣ Фаціо дельи Уберти, флорентійца, наконецъ горожане Пизы, Сіены, Ареццо, увлеченные въ его политику опасеніями, которыя возбуждало въ нихъ усиленіе Флоренціи. Этой муниципальной враждой проникнута канцона Симоне Сердини (Савоццо) изъ Сіены въ похвалу Джянні Галеаццо Висконти: О ненавистное сѣмя, враждебное міру и милости, чтѣ зовутъ свободой, чтѣ своей тиранніей нанесло свѣту такой вредъ! говорилъ онъ, призывая миланскаго тирана очистить флорентинскую кровь отъ заразившаго ее яда, а ихъ, тосканцевъ, освободить отъ яности Флоренціи²⁾. Когда Петrarка поступилъ на службу къ Джованни Висконти, къ нему посыпались письма съ недоумѣніями и упреками: писалъ Боккаччо, Лапо ди Кастильонкіо, Джованни Фигинольфи изъ Ареццо, Нелли и др.; Гано да Колле послалъ къ нему жонглера, по имени Малиція, прочесть ему сонетъ, въ которомъ порицалъ его за пребываніе у миланскаго тирана и звалъ во Флоренцію. Такъ Филиппо Виллані упрекалъ Фаціо дельи Уберти, поэта-изгнанника, за его житѣе при сѣверно-итальянскихъ дворахъ, а венецианскій канцлеръ Бенинтенди выслушивалъ пріятеля Моджо за его рабство у Корреджи: самъ онъ служить не господину, не тиарну, а республикѣ, отечеству; это не рабство, а свобода.

1) *Quella virtù che'l terzo cielo infonde и Di quel possi tu ber che bevve Crasso.*

2) *Novella monarchia, giusto signore.*

На сколько во всѣхъ этихъ заявленіяхъ отражаются мѣстные интересы и муниципальная завзятость, на сколько общія политическая и личная настроенія — это интересуетъ насъ главнымъ образомъ по отношенію къ политикѣ Боккаччо и Петрарки.

Петрарка, промѣнявшій Авиньонскую курію на придворную жизнь въ Пармѣ, Падуѣ, позднѣе въ Миланѣ, былъ монархистъ по temperamentу и привычкамъ, съ теоретическими вылазками къ идеалу республики и наивной игрой въ противорѣчія. Письмо къ Діонисію изъ Борго Санъ Сеполькро отъ 1339 года¹⁾ начинается заявлениемъ: хотя мнѣ известно, что Римъ былъ могущественнѣе подъ властью многихъ, чѣмъ подъ властью одного, я знаю также, что многіе именитые люди почитали счастливѣйшимъ для государства правленіе одного правосуднаго монарха. И онъ выражаетъ далѣе свое убѣжденіе, что монархія именно та форма правленія, которая наиболѣе способна объединить и возстановить итальянскія силы. Самое богоугодное изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ — быть правителемъ и защитникомъ государства, говорить онъ въ другомъ мѣстѣ; но это — идеалъ, которому дѣйствительность рѣдко отвѣчала: если хороший царь — слуга общества, отецъ отечества, то дурной, отнимая у него свободу, становится тираномъ, палачемъ; таковы наши герцоги и князья, надменные, трусы, презирающіе добродѣтель; въ сущности, что такое царство, какъ не давняя тиранія? Но давность не дѣлаетъ хорошимъ, что дурно по природѣ²⁾. А между тѣмъ тысяча доказательствъ и авторитетъ мудрѣйшихъ людей стоитъ за то, что принципъ лучшая форма единства, какъ на небѣ, такъ и на землѣ³⁾; нѣть ничего лучше правителя одного, справедливаго⁴⁾. Оптиматы ума и таланта, гуманисты переносили это самосознаніе въ политику: ихъ правители будутъ лучшіе, культурные люди, по-

1) Fam. III, 6.

2) De Rem. I, dial. 85, 95—6; II, dial. 78, 81; De Vita Sol. стр. 271; Sen. V, 2.

3) Письмо къ римскому народу у Fracassetti, Lettere v. III, стр. 240.

4) Fam. XVII, 4.

кровители наукъ; пространное посланіе Петрарки къ Франческо да Карпера¹⁾ идеализуетъ образовательную тираннію; оттуда презрѣніе къ аристократіи рода, не заслугъ²⁾, къ толпѣ, глупой, вѣтреної и вздорной; ничто такъ не далеко отъ добродѣтели и истины, какъ ея мнѣніе³⁾. Это опредѣляетъ отношеніе Петрарки къ демократіи, и реторикой отзываются его громы противъ похитителей общественной свободы.

Боккаччо началъ съ увлеченія монархіей короля Роберта; вспомнимъ его отзывы въ эклогахъ, въ Фьямметтѣ⁴⁾; предсмертное поученіе короля сыну въ концѣ Филоколо⁵⁾ — цѣлое «зерцало королей», но королей идеальныхъ, которыхъ Боккаччо не встрѣчалъ. Противорѣчія идеала и дѣйствительности сдѣлали его суровымъ обличителемъ всякой предержащей власти, папъ и императоровъ и правителей; онъ примѣняетъ къ нимъ свое «зерцало», и его критика лицъ и фактовъ указываетъ, что онъ не утратилъ вѣру въ свой критерій. Въ Генеалогіяхъ боговъ⁶⁾ тираннія противоположена благотворнымъ выяніямъ наследственной царской власти; но что-же дѣлать, если «большая часть властителей стали жестокими тиранами»?⁷⁾ А вотъ и обобщеніе: «знаменитые цари и величайшіе короли не инымъ почти искусствомъ, какъ убийствомъ, и не одного человѣка . . . а безчисленного множества, выжиганіемъ странъ и разрушениемъ городовъ распространили свои царства, а следовательно и свою славу», говорить Наталь Декамерона — и эта точка зреяня является основной въ трактатѣ о Несчастной долѣ именитыхъ людей. Нѣть такого порока, такого преступленія, въ которомъ бы не обвинялись представители монархической власти, древніе и

1) Sen. XIV, 1.

2) Fam. XI, 16 и 17.

3) De Remediis I, dial. 12, 94.

4) Fiammetta, стр. 43; сл. выше т. I, стр. 182.

5) Сл. выше т. I, стр. 249—50.

6) IX, 27.

7) Дек. X, 8 = пер. II, 554.

современные; они властвуютъ лишь помошью народа¹⁾, презирая тѣхъ, которые должны быть имъ не слугами (*servos*), а сослуживцами (*conservos*), тогда какъ не слѣдуетъ пренебрегать не только народомъ, но и послѣднимъ человѣкомъ изъ плебса, ибо въ его груди можетъ биться великое сердце²⁾. Они стали тиранами, а народъ выносить ихъ въ своемъ долготерпѣніи, тогда какъ злоумышлять противъ нихъ, подниматься съ оружіемъ, какъ Сцевола, Юній Брутъ, какъ Виргиній и другіе — и священный долгъ и необходимость, и нѣтъ жертвы, болѣе пріятной Богу, какъ кровь тирана³⁾). Такъ выразилось у Боккаччо классическое ученіе о народодержавії, поднявшееся уже въ средніе вѣка съ изученіемъ римскаго права; фантазіи Кола да Ріенци и Петrarки исходятъ изъ того-же источника.

Во всѣхъ этихъ нареканіяхъ Боккаччо⁴⁾, какъ и въ объективности его разсказа о смерти Цезаря⁵⁾ и въ откровенной проповѣди тиранницида⁶⁾ чувствуется подъ реторическимъ шаржемъ, довѣряющимъ самому себѣ, впечатлѣніе пережитаго: кратковременной тиранніи герцога Аенінского⁷⁾, двоедушнаго, любостяжательнаго, неумолимо-жестокаго, себялюбиваго, презиравшаго и Бога и людей; онъ-то хотѣлъ наложить узы рабства на городъ, никогда не знаяшій ига, кроме власти римскихъ императоровъ; если Флоренція спаслась, то потому, что злодѣянія насильника вызвали кару неба, а не по заслугамъ гражданъ⁸⁾. Они того не стоятъ: Боккаччо супровъ къ флорентийцамъ, мы помнимъ, какъ зло онъ трунилъ надъ ними въ VII-й и IX-й эклогахъ, какъ издѣвается въ Корбаччо; эти черты

1) *Suffragio populorum.*

2) *Sibi quisque impulsus magnos sub pectore fert animos.*

3) *De Cas. Vir. illustr. I. II, c. 5.*

4) См. еще *Gen. Deor.* III, 11, X, 14; *Com. ed. Milanesi* II, 148, 822—3.

5) *Com. ed Milanesi* I, стр. 354 слѣд.

6) См. *Petr. Apologia contra Galli calumnias* по поводу Марка Брута: *an res ulla numquam hac virilior?*

7) См. выше, т. I, стр. 178 слѣд.

8) *De Casibus* IX, 24.

критики и порицанія, разсѣянныя въ Декамеронѣ¹⁾ въ De Casibus²⁾, въ жизнеописаніи Данте, въ посланіи къ Пино деи Rossi, въ комментаріяхъ на Божественную Комедію³⁾, даютъ намъ мѣру его демократическихъ чувствъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ непониманія имъ недавнихъ историческихъ отношеній: гвельфы и гибеллины для него такое же прошлое, какъ теорія двухъ «мечей»; онъ порицааетъ ожесточенный гибеллинізмъ Данте. Тираннію герцога Аенскаго создали аристократы, которыхъ прежде называлимагнатами, и плебсъ⁴⁾; оценка тѣхъ и другихъ та-же, что и у Петrarки: къ невѣрной, неблагодарной черни Бокаччо питаетъ вполнѣ пренебреженіе⁵⁾, ненавидить родовую аристократію, славить Флоренцію за то, что она подчинила «народному закону непостоянную кичливость грандовъ», этихъ «высокородныхъ волковъ»; но на долго-ли? спрашивается онъ себя; онъ боится за будущее⁶⁾. Вмѣсто родовитыхъ грандовъ явилась служилая аристократія, люди, взятые отъ лопатки каменьщика и сохи, стали у кормила правленія (письмо къ Пино деи Rossi); они невыносимѣе прежнихъ, поддерживаютъ свою именитость пренебреженіемъ къ прежнимъ сверстникамъ и прежнему положенію, подражаютъ важнымъ нравамъ людей по природѣ родовитыхъ, и обзаведясь привратниками, стольниками и кравчими, воображаютъ себя царственно-щедрыми и великодушными. Можетъ-ли что быть противнѣе этого зрелища! Вѣдь величие духа не въ притворной ласковости, не въ себялюбіи, не во множествѣ лизоблюдовъ и не въ убранствѣ дома, «начало и конецъ добродѣтели въ познаніи самого себя»⁷⁾. Съ такими, познающими себя до-

1) VI, 9 въ началѣ разсказа (avarizia), VIII, 9 (по поводу Simone da Villa).

2) V, 4.

3) Ed. Milanesi I, 499 слѣд., II, 415 слѣд., 445.

4) De Cas. I c.

5) De Cas. IV, 2.

6) Ameto, сх. выше т. I, стр. 182; Corbaccio, выше стр. 40.

8) De Casibus I. V, с. 18 (Nil aedepol tollerabile minus mercenario sublimato); сх. характеристику Cerchi въ Com. ed. Milanesi Iez. LXIX, v. II, стр. 446.

блестными, «лучшими» Боккачью примирялся-бы, какъ лелѣяль память Роберта, принималъ гостепріимство Орделаффи, и позже (1373 г.) помощь Магинардо дей Кавальканти, котораго хвалить за то, что презрѣвъ малодушные обычай флорентійцевъ, онъ исполнился царственныхъ¹⁾). Ему, котораго вѣрность, любовь и щедрость онъ часто испытывалъ, онъ и посвятилъ въ 1374 году свой *De Casibus*: хотя Магинардо не глубокъ въ философскихъ знаніяхъ, но любить науку, чествуетъ достойныхъ людей, дѣятельно разыскиваетъ ихъ творенія; къ тому-же онъ не изъ наемниковъ²⁾, не выродокъ—чего я особенно сторонился, говорить въ своемъ посвященіи Боккачью³⁾; человѣкъ славный, хорошаго рода, изъ именитой семьи нашего города, воинъ, почтенный царскими почестями.

Нѣтъ болѣе огульного осужденія родовой знати, когда она скрашена человѣчностью и интересомъ къ гуманизму. Боккачью, презиравшій плебсъ и некультурную аристократію рода и наживы, долженъ былъ тянуть къ «лучшимъ». Въ его ненависти къ тиранніи герцога Аенскаго, въ страхѣ передъ Висконти, сказался не столько демократизмъ убѣжденийъ, сколько муниципализмъ и опасение за самостоятельность роднаго города; эту «родину» и презрѣлъ Петрарка, вступивъ на службу къ ея врагу. Что до другого личнаго мотива, который Боккачью поднимаетъ въ своемъ письмѣ къ Петраркѣ: о свободѣ и честной бѣдности, проданныхъ за чечевичную похлебку, то какъ разъ въ тѣ дни, когда Петрарка еще только помышлялъ о житьѣ у Висконти, Боккачью пытался рѣшить для себя тотъ-же вопросъ, и его упреки другу получаются объясненіе на почвѣ не принципіального, а психического разномыслія.

1) Съ Corazzini, I. с. стр. 299.

2) I. с. стр. 366: ex mercenaria plebe.... degener.

3) Quod tu summopere vitare videbaris.